

18+

Оксана Филатова

ЛЮБИМЫЙ САДОВНИК

Оксана Филатова
Любимый Садовник

«Издательские решения»

Филатова О.

Любимый Садовник / О. Филатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517727-8

Жизненные обстоятельства забрасывают семнадцатилетнего юношу на цветущий остров. И все было бы прекрасно, если бы... Вместе с новыми друзьями можно справиться с любыми проблемами, или нет?..

ISBN 978-5-00-517727-8

© Филатова О.
© Издательские решения

Содержание

ЛЮБИМЫЙ САДОВНИК	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Любимый Садовник

Оксана Филатова

© Оксана Филатова, 2020

ISBN 978-5-0051-7727-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оксана Филатова

ЛЮБИМЫЙ САДОВНИК

Моему отцу крупно повезло на бирже несколько лет назад, тогда он и обзавёлся домом с удивительным садом, сплошь засаженным розами. Каких только лепестков я там не углядел – цвета всех оттенков радуги, с ободками, занятыми полосками и узорчатыми пятнами посередине. Заниматься садом принялась бабушка. Ну, как принялась – нашла прекрасного садовника. Ну, как нашла – наняла того, что работал у прежних хозяев. Обычный такой дядька, с огромными седыми усищами, мне напоминал кота чем-то. А в общем, самый обычный дядька, молчаливый такой. Работал себе тихонечко, копошился со своими розочками, ухаживал так, будто последние цветы это на свете были и если б не он, ну, в общем, вы поняли. Ко мне наш садовник не цеплялся, даже когда я, четырнадцатилетний балбес, с пьяной гулянки возвращался. Хотя сейчас понимаю – стоило. Папашке я не нужен был вовсе, однако при разводе он отсудил у матери и меня, и все имущество до копейки. Работали б мои мозги тогда, хоть взбунтовался бы, что ли. Но нет. Богатая жизнь, безнаказанность, – и замутненный алко-голем мозг перестает действовать. Ох, как же я отрывался тогда...

Где ты, мама? Если бы я только знал, где нахожусь и что со мной происходит, молил бы о прощении.

В общем, папка занимался своими делами, я, разумеется, своими, садовник трясся над розами. Так бы все и продолжалось, если бы бабушке моей не поднадоело на все на это смотреть. Ушла она с работы, взяла меня за шкирку, женщина она была серьезная, и к моему удивлению, получилось у неё легко. Наш серый кардинал преобразился в миг. Папа и я забились в углы нашего цветущего замка. А бабуся с удовольствием руководила всем и всеми.

К сожалению, не заметила она тайного увлечения сына. Папаша снова отличился и на этот раз в каком-то подпольном казино проиграл столько, что даже у бабушки слов не хватило. Не долго думая, он улизнул за границу, во всяком случае, на это надеялись все мы. Ну а там – кто знает. Замок наш отдали за долги. Садовник приуныл, но спустя пару дней женился на бабушке. Взяв за руку прекрасную новобрачную и в охапку меня, садовник приобрел билеты на уютное суденышко и повез нас к себе на родину. Я пытался протестовать, но выглядело это грустно и неубедительно. Я попробовал, у меня не получилось, и меня накрыла волна пофигизма. Накачав на телефон побольше музыки, я с наушниками в ушах зашел на борт старенького кораблика. С Клэптоном мы отчалили от берега, с Металликой я кое-как пережил морскую болезнь, а под композицию Робин Тики увидел землю, к которой нас тащит морской бриз. Оптимизм песни и вид скалистого берега с несколькими пучками чахлой травы убивали. Поэтому к внешнему виду нашего нового «дворца» я был готов...

«Пусть, – думал я, – не на века же!» Я б и мысли подобной не допускал, если бы знал, чем все закончится.

К слову сказать, тогда я рассчитал так: приедем, освоимся, а дальше –уплыву на хрен подальше. Бабушку, конечно, оставлять не хотелось, но провести остаток дней на забытом Богом острове – увольте.

Находилась она совсем рядышком, хибара моего... всегда путался в терминах, теперь-то уж точно не знаю подходящих. Допустим, отчима. Бабуся заменила мне всех возможных и существующих родственников в этой жизни. Стало быть, и правда, отчима. Его я, к слову, не называл никак. Садовник. Это определение, во всяком случае, суть передавало. Да и не был он больше никем для меня.

Домик, к которому мы вышли, карабкаясь по валунам, меня неожиданно поразил..

Поразил несколькими вещами. Ну, во-первых, выглядел совершенно кукольным. А комнатами располагал многими и разных размеров. Во-вторых, вероятно, жила на острове странная женщина, прибившая заброшенные здания. Я не против местных обычаев и очевидно это

был как раз тот случай. Но согласитесь, странно вернуться в родные пенаты после долгой разлуки и обнаружить, простите, не обнаружить – пыли, занавесей паутины в углах и подивиться отполированному полу. На месте нашего усатого котяры, я б ей заплатил. Уж очень трудолюбивая барышня попалась. Мне б насторожиться тогда! Хотя я что-то там вякнул. Поставил ногу на огромный валун, которых на острове наблюдалось великое множество и развязно заявил:

– Бабусь, а тетенька неплохо убиралась все эти годы.

После сказанного меня втокнули в самую большую и шикарную комнату в доме. Ну и все, я был куплен. К тому же, прародительница со своим новым протеже обосновались довольно далеко от меня по коридору, чему я тоже был несказанно рад. Мои помыслы о бегстве улетучились сами собой.

Ну и третье потрясение меня ожидало за окном моих сельских хором. Розовый сад. Ухоженный розовый сад! Чудесный, благоухающий, он восхищал даже меня, городского мальчишку, которого совсем недавно мог восхитить только вкус новой разновидности алкогольного коктейля. Открыв рот, я уставился на розовое великолепие. Сад заполнял огромное пространство земли за домом, цветы качали своими шикарно убранными прическами, манили ароматами, что-то шептали и успокаивали. Швырнув рюкзак, я упал в ботинках на постель, сказочно благоухающую свежестью, и провалился в сон.

2.

А потом начались будни. Необычные, но все же будни.

Городок был настолько неординарен, что возьмись я про него рассказывать – не вышло б. Я банально не знал бы с чего начать. Но мысли... только мои мысли и воспоминания возвращают сознание туда снова и снова, и я пытаюсь понять, что же произошло на самом деле.

Чистота, свежесть, чудные, словно нарисованные домики. Сады. Везде сады. Ухоженные, яркие, ошеломляющие всеми цветами радуги. Пионы, колокольчики, деревья клонились под тяжестью махровой сирени разных оттенков, поля перед домами раскачивались ярко-желтыми реками одуванчиков. И вся эта необычайность была скрыта каменными глыбами, горный хребет забором стоял вокруг городка, шанса рассмотреть цветную круговерть не было ни у кого.

На следующий же день после приезда меня отправили в школу. Даже она была построена особым образом. В центре города располагалась настоящая пирамида. При виде неё я присел и присвистнул, за что бабушка дернула меня за руку и приложила палец к губам. А садовник почтенно поклонился причудливому зданию. Я хмыкнул, за что получил подзатыльник и не получил десерта вечером.

«Люди заигрались», – решил я, впрочем, мне настолько надоела атмосфера абсурда, что я решил: да, пожалуй, я смогу притвориться – не реагировать, не слишком-то забавляться и делать вид, что отношусь почтенно ко всему, что окружает. Вот после этого судьбоносного решения я занес ногу над порогом храма знаний.

Странно, но внутри это была обычная школа, со всеми её кабинетами, партами и грифельными досками. Руководил всем очкастый директор, подбиравший учителей под стать себе. Напыщенные жерди в строгих серых костюмах и очках с линзами огромных размеров, все они так забавляли меня, что порой приходилось опускать голову и якобы кашлять в кулак. Нет, мне определенно начинало там нравиться. Во всяком случае, я веселился.

До тех пор, пока директор не привел меня в класс. Тамошние дети... как бы это объяснить? Да чего уж там, не были они обычными детьми в нашем понимании. Хотя сейчас я и сам не отважусь дать определение обычности. Ну, посудите сами, детишки бесились, играли, шумели и любая палка или камушек в их руках превращались в парусник, воздушный корабль или безумного инопланетянина, короче, обладали той самой огалтелостью, которая вспоминается со времен моей начальной школы. Удивительное происходило уже после. Дети постепенно, одни быстрее, другие чуть медленнее, начинали затихать. И с каждым годом становились все тише и тише. Старшеклассники совсем уж были похожи на призраков. Конечно, эту

ступенчатую изменчивость я заметил не сразу. Поначалу думал – дети слишком послушны и само понятие альма матер вызывает священный трепет. Однако, детям на островке разрешалось все. Закури они травку на пороге местной церкви, и то спустили бы с рук. Поэтому потребности в особом послушании не было.

Однажды я увидел, как местная малышня шпыняла парнишку-школьника и досталось ему порядочно. Ни один прохожий не сделал ни единого замечания деткам. К своему стыду, я тоже. Когда же мелюзга натешилась и все отправились по своим делам, сразу несколько человек подбежали к тихому старшекласснику со своим сочувствием. Я, наблюдавший всю сцену в подробностях, подумал, что сбрендил или что-то не так понял. Но на всякий случай решил не вмешиваться в драки, ругань и прочее, а всего лишь наблюдать. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока не пойму, что за хрень здесь творится.

И все же, произошло нечто, что помешало мне следовать плану.

В классе меня усадили за парту с девчонкой. Я повозмутился, дабы не изменять своему имиджу, но на самом деле неожиданно обрадовался. Девчонка оказалась забавной. И хоть с головой у неё точно были не лады, но она была живая. Нет, не такая, как малыши, что побили старшеклассника. Она была живая и добродушная. И когда она смотрела на меня своими большими зелеными глазами, и в этот момент никто на нас не глядел, я был точно уверен, что соображалка у неё работает что надо.

Так или иначе, выглядела она явно чокнутой. Белое платье в синий маленький цветочек, рукава-фонарики, пышная коротенькая юбка. Красивые волнистые волосы, которые каждое утро кто-то пытался собрать в косички, а светлые волосы вились мелким бесом и сопротивлялись. Чудо завязывалось голубыми бантами. Ох, ну что же это были за косы, картины только писать! Обязательно одна выше другой, бывало, что одну косу заплетали сзади, вторая располагалась где-то возле виска. Кудрявые пряди выбивались из плетения, систему сооружения бантов вообще сложно было понять. Карманы кофты, которая явно была не с её плеча, постоянно были полны леденцами на палочках. Девчонка рассасывала леденец, бросала палочку от него через плечо и разворачивала новый. На любой вопрос, даже учителю, отвечала, перекачивая конфету от щеки к щеке, даже обедала в школьной столовой, не вынимая палочку от конфеты изо рта. При нашей первой встрече она с громким хрустом раскусила чупа-чупс, протянула левую руку, правая ведь держала резинового пупса с разрисованным фломастером личиком и представилась:

– Шолька!

Я пожал липкую от конфеты ладонь и не нашел ничего лучше ответа:

И бухнулся за парту. Только потом я понял, что зовут её Зойка, а того, что она изрекает, не понимает никто.

Но даже такая, совершенно непонятная, смешная, в детсадовском платье, вязаной старой кофте с отвисшими карманами и прической Медузы Горгоны, она была для меня глотком свежего воздуха. Теперь я шел в школу отдохнуть от бесконечности садов, шел послушать леденцовый лепет подруги, шел хотя бы на минутку забыть, что я оказался на оторванном от обычной жизни острове и кроме бабушки никого у меня не осталось.

Ах нет, Шолька, еще она! Так, собственно, и стал я её называть. Слыла она городской сумасшедшей и в нашем классе старшеклассников все переворачивала с ног на голову. Зомбированным ровесникам было слишком далеко до живости моей новой подруги. Они не понимали возгласов по поводу отмененного урока математики, или начала песенной композиции, какой – угадать было невозможно, ведь ни слов, ни мотива нельзя было разобрать, или намеренно сброшенных на пол учебников, если в классе слишком уж тихо, а еще поколачивания парты головой пупса. Если честно, я бы орал песни в этой школе постоянно. Потому как меня тишина сводила с ума. В моей прошлой жизни орать приходилось учителю, чтобы хоть как-то его услышали беснующиеся подростки, или хотя бы обратили внимание. Нам было совер-

шенно «по фигу», кто там с указкой у доски пытается вдолбить в наши головы знания. Нам хотелось на воздух, вон из душных стен. Здесь даже перемены были унылы до омерзения. Мои одноклассники ходили по коридорам, иногда парами, но чаще по одному, ходили так, что меня аж озноб пробирал при взгляде на них – медленно, тихо, ну только что слюна не капает. Я сплевывал на пол и смотрел на неё. Особых поисков не требовалось. Начальные и старшие классы разделили по корпусам, так что, там, где звуки, шум, смех, там обязательно она. Иногда Шолька носилась по коридору, иногда бывало, расставив руки, изображала самолет, но бывало и такое, что просто сидела, уставившись в одну точку. «О чем же ты думаешь, девочка?» – спрашивал я мысленно, и задумывался тоже. И в коридорах нашего корпуса наступала мертвая, ужасающая тишина.

3.

Ходить за ней я начал не сразу. Однажды, сидя на имитированном подоконнике в коридоре и глядя на свою Шольку, увидел подошедшую троицу зомби из нашего класса. Они подхватили её под руки и потащили за угол. Грустный пупс с перекошенной моськой остался валяться на лавке. Я встал, прихватил куклу, и отправился вслед за ними. Надо сказать, для заторможенных, передвигались они довольно быстро.

Нашел я компашку – угадайте где – в мужском туалете.

Здоровяк, которого все звали Михой, накрутил обе косы на кулак и тянул Зойку к полу. Она молчала и только зажмуренные глаза и прикушенная нижняя губа говорили о том, как ей больно.

– Слышь, чокнутая, ты нам мешаешь. Очень мешаешь. Поняла? – на удивление грубая речь была прервана ударом моего кулака в челюсть.

Парень отлетел к писуару, долбанулся уже теперь носом и тихонько сполз на пол. Друзья испуганно жались к стенке, девчонка уставилась на меня так, словно я только что вышел из летающей тарелки. Я поднял с пола Шольку, всучил ей куклу и вытолкал в коридор. Потом направился к парочке у кафельной стены. Их пристальные взгляды чуть не прожгли во мне дырку, а как только я взял одного из них за грудки, он блеванул мне на ботинки. Я замахнулся было, но передумал. Вывел приятелей из туалета и притянул за пиджаки к себе:

– Значит так, бежим к директору и говорим, что бедняга Миха поскользнулся, упал и сильно ударился. Я, значит, оказываю посильную помощь. Запомнили? Супер! Пошли!

– Нет, стоп, вернулись, – парни, словно марионетки, подошли снова. – Внимательно слушаем. Если кто еще из вас, дебилов, тронет Зойку, пожалеет очень. Пошли вон!

Отмотав порядочную гору салфеток, я принялся оттирать ботинки. Чуть мазанул и пол, куда стошнило парня, чтобы не слишком явно были видны мои следы. Услышал характерный топот по коридору и быстро вымыл руки. Хромоту нашего старика-директора я запомнил сразу.

Что-то меня насторожило, когда я мыл руки. Странный запах. Должно ведь вонять, причем не розами. Я помню те самые запахи, такие, что от запаха тянуло стошнить снова. Но – нет. Ничего подобного не было. А что же было? Такое невероятно знакомое. Впрочем, на размышления времени не было тоже.

Когда господин директор распахнул дверь, я, имея совершенно благопристойный вид, приложив ко лбу ушибленного (во всех смыслах) намоченную тряпку, махал над лицом Миха своим носовым платком. Мокрую тряпицу я нашел на подоконнике, ей наша уборщица вытирала пыль.

Я опустил голову и тихим, подбострастным голосом рассказал, что мой товарищ по классу вел себя очень не осторожно, когда шел по мокрой плитке, оттого и произошло падение. Я пытался даже его удержать но, как же мне жаль, не успел. Видимо, теперь его должен осмотреть врач. Директор похвалил меня и прочитал небольшую лекцию, как важны друзья. И это в то время, когда пострадавший лежал на полу туалета, и из носа у него шла кровь!

Выговорившись, наш главнокомандующий с гордым видом ушел за медсестрой. Будто нельзя было привести её сразу. Я свернул платок и встал в дверном проеме. Придется, как лучшему другу, ждать медсестру. Ладно, сам напросился. Мой друг на полу зашевелился. Я подошел и присел на корточки рядом.

– Те двое, что были с тобой, расскажут, какую неоценимую помощь я оказал в процессе твоего спасения. Нет, благодарностей не нужно, – и я снова зарядил ему в челюсть.

А по коридору летала самолетиком, а может, бабочкой, не знаю, кем она была сегодня, Шолька. Пролетая мимо туалета, она подмигнула мне. Ну, вот как-то так, в один день, я приобрел миллион проблем и самого верного друга. Но я ни разу об этом не пожалел.

С того дня я принялся пасти Шольку. Куда бы она не ходила, я вроде как невзначай, шлепал следом. Таким образом, от неё тихони отстали, зато мне доставалось по полной. Видимо, они все же общались, размышлял я, но как и где – заметить не получалось. Тычки, затрепщины, подножки – теперь это было мое. А однажды оборзевшая тихая команда встретила меня по дороге домой и отмутила по полной. Я и сам не робкого десятка, двое ушли с серьезными фингалами, но я получился и вовсе красавцем. Заплывший глаз, разбитые нос и губа, кажется сломанное ребро.

Дома я прокрался к умывальнику, захватив из холодильника кусочки льда и постарался ликвидировать следы аварии. У меня не слишком хорошо получилось. Ладно, не получилось совсем. Но никто этого не заметил, хоть и стал я на следующее утро еще краше. Чудный городок оказался не таким уж и радужным, верно?

Впрочем, об одном событии я не рассказал. Пострадал я не зря. Сидя на лавочке в школьном коридоре и размышляя о бренности бытия, одним открытым глазом я увидел подбежавшую Шольку. Она смотрела на меня, наклоняя голову то к одному, то к другому плечу, потом огляделась, вытащила леденец изо рта и сказала почти беззвучно:

– Мне очень жаль.

Вернула леденец на место и убежала. А я сидел на лавочке и улыбался как дурак.

4.

Теперь мой день проходил примерно так.

Утром я шел к Зойкиному дому и, облокотившись на какое-нибудь дерево, ждал. Вставал постоянно в разных местах. Общение молодежи не слишком приветствовалось в здешних краях, вот и старался я не нарываться. Потом выбегала моя чудная подружка и я, как только мог медленно и размеренно шел следом. Девчонка, видно, поняла, что если будет носиться самолетом, мне за ней не успеть, не вызывая подозрений. Вот и шлепали мы к школе, любуясь местными красотами. Еще я заметил её рассматривание витрин магазинов и сообразил – так она проверяет, рядом ли её телохранитель.

Мы добредали до школы, отсиживали положенные часы и примерно так же проделывали обратный путь. Открывая дверь своего дома, Шолька всегда слегка поворачивала голову ко мне и на секунду отпускала ручку двери, растопыривая пальцы. Девчонка говорила мне: «Пока!»

А вот путь к моему садовнику был намного веселее. Я шарахался от каждой тени, двигался рывками, перебежками, и стал противен сам себе. Но выбора у меня не было. Парни из класса продолжали время от времени меня поколачивать. Проблему нужно было срочно решать, но как – я не знал, а жаловаться бабушке не хотел.

Однажды помощь пришла с неожиданной стороны.

До моего дома оставалось с полквартиры, когда я получил пинок под зад. Удивительно сильный, чего уж там. Я и подняться не успел, когда услышал возгласы возмущения и звуки ударов. А повернув голову, не поверил своим глазам.

Зойка, моя Зойка была двоих парней из класса своим пупсом. Орудовала она им так умело, что я засмотрелся. И, судя по всему, удары игрушкой были довольно болезненными,

потому что, прикрывая головы и разбитые носы, парни поспешили ретироваться. Зойка огляделась. Полуденная улица пустовала, девочка протянула мне руку и повела за собой.

Домик моего садовника располагался как раз за горным хребтом. Чуть правее, если пройти одуванчиковый ручеек, был небольшой проход к пристани. Но Зоя повела меня дальше. Там, за домиком бакалейщика, если перемахнуть через изгородь сада, оказывается, скрывалась еще одна расщелина, ведущая к морю. Девочка отодвинула забор из сухих веток и кивнула мне. Я присел, осмотрел узкое отверстие, в которое видно было только море, и засомневался. Она присела рядом.

– Внизу площадка, рыцарь – не упадешь. Шевелись быстрее.

Словно червяк сквозь яблоко, стал пробираться я сквозь узенькое отверстие. Хорошо еще, было оно коротким, и я благополучно сполз на каменную площадку. Зойка тут же, придерживая забор, полезла за мной. Я помог спуститься подруге, и мы оба сели на круглые валуны.

Шолька стянула вязаную кофту, бросила её, развязала банты и обеими руками взъерошила волосы.

– Фух, – она подмигнула мне и выплюнула леденец. – Вот надоел, зараза, прямо сил нет, ненавижу сладкое. – Шолька улыбнулась, – я Зоя.

– Знаю.

– Господин Знаю, я давно хотела сказать тебе «спасибо», – она церемонно поклонилась, разведя руки.

– На здоровье. Рассказывай.

– Да если б я только... Сам видишь, херня какая с городом. Все не так. Все чересчур. Ну, вот смотри, мы здесь несколько лет уже, а дождя ни разу не было, например.

– У нас сирень за окном. Не вянет.

– Одуванчики. Ты видел? Они постоянно желтые.

Мы сидели друг против друга и наперебой перечисляли странности, бросающиеся в глаза нам, но оставшиеся незамеченными нашими взрослыми. Мы наконец-то получили возможность говорить. Нас наконец-то слушали. Мы уже не были детьми, но сейчас были по-детски счастливы. Каждый из нас уже не был одинок.

Шолька поднялась на ноги, расстегнула пуговицы на платье, я скромно отвернулся, хотя мне ужасно не хотелось этого делать. Платье бабочкой-капустницей порхнуло под ноги и девочка, оставшись в одном белье, толкнула меня в плечо.

– Давай, ныряй первый. Вода – чудо.

Я поднял глаза. Нет, она не шутила.

– Как же обратно?

– Эй, не бойсь, думаешь, избавиться от тебя хочу? Не, пригодишься ещё. Там, смотри, справа словно ступеньки. Забираться, конечно, не просто, но ты, парень, справишься, – она засмеялась и толкнула меня в воду.

Каменный уступ находился высокогато и, раздеваясь, я с опаской поглядывал вниз, раздумывая, как-бы мне прыгнуть так, чтобы не шарахнуться башкой о какой торчащий из каменной стены выступ. Так что Зойка мне в некотором роде помогла. Как же это было здорово – вот просто лететь, просто думать о том, что внизу раскрывает свои объятия-волны теплая морская вода, а потом, бухаясь воду, просто забыть обо всем!

И я, как говорится, нырнул в омут с головой. Вода, такая темная и неприветливая на вид неожиданно освежила и успокоила. Пузырьки, маленькие и большие, белые и прозрачные, веселым вихрем окружили меня со всех сторон. Миллионы, миллиарды пузырьков старались вытолкнуть, поднять на поверхность. Я собирался, действительно собирался это сделать. Но тут прыгнула она.

Её ноги плавно, вытянутыми пальчиками вошли в воду, её лицо застыло напротив моего, и я, словно маленький мальчик, никогда не видевший женского тела, широко раскрыв глаза,

смотрел. Теперь я точно знал, как происходит то, о чем столько говорят. Как каждая клеточка твоего тела раздваивается под напором невиданного и неосязаемого ранее. Как ты забываешь обо всех и обо всем. И видишь только глаза цвета моря. Теперь я точно знал, что глаза её, зеленые, яркие, были глазами морскими. Она вовсе не была розой. Она точно была русалкой. Её локоны, распрямившиеся от воды, теперь просто развивались в морской вселенной.

Моя русалка тоже не собиралась выныривать. И тоже смотрела. Только когда оба мы почувствовали, что задыхаемся, то ли от нехватки кислорода, то ли от чего другого, названия чему мы не знали, но чему название давно придумано было, мы, взявшись за руки, вынырнули. Задыхались. Но теперь оба были совершенно другими людьми, новыми, незнакомыми для самих себя и немного испуганными.

Зоя запрокинула голову, убрала назад волосы и наконец заговорила.

– Поднимаемся?

– Да, наверное.

– Или поплаваем?

– Да.

– Что? – у меня никогда не было недостатка в женском общении, но прищур красивых зеленых глаз – и все, я в ступоре. Ну, может быть, и не в ступоре, но я точно не знал что говорить. А это было со мной впервые.

Я улыбнулся своей Сирене.

– Плавать, я точно хочу плавать, да. Блин, хочу плавать, слышишь? – я подплыл к ней и обняв ладонью её шею, прошептал на ухо. – Сейчас мы плаваем, а потом ты рассказываешь все, что знаешь.

– Нет, – она засмеялась, прикрывая рот ладонями. – Потом я тебя утоплю, как свидетеля, глупый.

Мы плескались целую вечность. Ныряли, под водой легонько касаясь рук друг друга и вновь выныривали. Я сорвал водоросли, ох, ну надо же, они тоже цвели. Так вот, я сорвал их и поднял на поверхность, протянул Зойке, она захихикала, но приняла подарок – распластавшиеся по руке скользкие зеленые нити с мелкими желтыми цветочками.

– Поверь, под водой они выглядели намного лучше, – смущенно пролепетал я.

Мы так устали. Это ужасно отличалось от нашей спокойной городской жизни, настолько, что теперь всячески старались оттянуть момент карабканья по скале, фактически отвесной. Но сделать это пришлось, никуда не деться. Забравшись, улеглись на прогретые солнышком камни и никак не могли отдышаться. Оба смотрели на небо. Первой начала говорить она.

– Здесь не бывает зимы, знаешь?

– О чем-то таком подозревал. Словно мы на экваторе, да?

– Ага! Эх, если бы... А еще я не знаю как выглядит радуга. Видела в книжке на картинке.

– Странное место.

– Плохое, – она облокотилась на локоть и посмотрела на меня. – Очень плохое.

Я лежал, затылком опираясь на руки, и тоже повернул голову в её сторону. Прядь волос, упавшая на лоб, прямо на моих глазах, быстро скрутилась в пружинку. «Ну вот, – подумал я. – Сейчас моя ундина снова станет Шолькой, хотя какая разница».

Зоя села, подтянув колени к себе, и легла на них щекой. Она смотрела на воду, а может быть, не смотрела никуда. Думаю, она вспоминала, возможно, то, что хотела забыть. Мне так казалось. Но в любом случае, она собиралась начать свой рассказ. Я ждал его и боялся.

– Мы приехали сюда всей семьей, – она так и не повернула лица ко мне, но я догадывался, как ей трудно. – Я была совсем маленькой девочкой и мир был прекрасен. И остров был прекрасен. И я все еще помнила, каково это – бегать босой под дождем. Ту, прошлую жизнь я еще вспоминаю. Сладко. – Зоя горько усмехнулась. – Не так приторно сладко, что даже противно, как эти мои конфеты на палочках, а замечательно сладко. Удивительно! Родители не могли

отказаться, ведь отец потерял работу. Да и как откажешься, такие условия! Дом, деньги, чудный маленький городок. Красивый, только иллюстрации в книгах печатать. Папа, мама, брат и я. Четверо нас было. Мамы не стало через год. Я так и не поняла, что случилось. Болезнь? Не знаю. Перед тем, как она ушла, мы поняли, что нужно уходить всем. Не успели. Поняли, что все не правильно. Ну, например, подростки. Куда они деваются? Что происходит? В городе только мы и очень-очень взрослые. А поведение детей? Это уж ни в какие рамки... Ты замечал?

Зоя повернула лицо и я увидел бороздки слез на щеках.

– Да, видел.

Кто бы знал, как я хочу обнять её, прижать к себе, поцеловать копну волос на голове, каждую кудряшку, успокоить. Хоть как-то.

– Понимаешь, подростки исчезают, но ни на одной старой посудине я их не видела. Остаются единицы. Ну, несколько ущербные, если можно так сказать. Это плохо, но как еще? Тогда отец и решил уехать. Ему отказали раз, отказали другой. Он засел за книги, прочел кипу литературы о психах, так и появилась я теперешняя. Не знаю, как долго все это останется незамеченным. Как по мне, так думаю, многие догадываются.

Она принялась выкладывать из разноцветных камушков затейливые фигуры, ломала их, собирала заново.

– Твой брат?

– Мой брат? – она усмехнулась, потрясла копной кудряшек. – Мой брат с ними. Он химик и по какой-то причине, уж не знаю, по какой, он был оставлен и приручен... Он мне брат, конечно, только чужой совсем стал. Часть этого острова.

– Что нам делать?

– Я не знаю. Нас сейчас трое. Твоя бабушка?

– Нет. Растворена в муже и гребаной радуге.

– Ок, трое. Нужно попытаться узнать хотя бы что-то. Ладно, на сегодня хватит. Будем встречаться здесь, не против?

Я, малолетний идиот с подростковыми мозгами, вспомнил девочку с развевающимися в морской пучине волосами и завис.

– Эй, рыцарь!

– Да, – я вздрогнул. – Конечно, давай. – Здесь здорово. Как ты нашла такое место?

– Ну, так, наши идиоты заторможенные не всегда уж такие тормознутые. Иногда здесь заседают. О чем говорят – я услышать не могу, но вид у них, – она закатила глаза.

Зойка достала аккуратно сложенные ленты бантов из-под кофты.

– Теперь давай, работай. Будем снова делать из меня красавицу.

Я постарался как мог разделить волосы подруги пробором и даже каким-то макарон сплел нечто. Девочка протянула мне ленту и когда я брал её, схватила меня за руку, резко притянула к себе.

– У нас ведь получится, верно? Мы ведь не исчезнем?

– Ты что, – я отпустил только что созданный шедевр и обнял хрупкие дрожащие плечи. – Ты что!

– Ладно, давай, завязывай. Ждут нас уже. Мой отец точно волнуется. Разделяться нам теперь смысла нет. Я когда им накостыляла, шепнула, что ты, мол, теперь парень мой, и не дай Бог я их рядом увижу, – серьезное выражение лица вмиг сменилось лукавой улыбкой от воспоминания.

– Так даже легче. Прятаться не нужно. Да и защитишь ты меня, – Зойка засмеялась и толкнула меня в плечо. Я одевал брюки и чуть не свалился снова. Подруга ухватила меня за руку и не дала упасть.

Я довольно улыбнулся.

– Ну вот, теперь спокоен, я под надежной защитой.

– Да ну тебя!

5.

Мы выбрались из расщелины, аккуратно прикрыли её ветками и на корточках стали пробираться сквозь участок на улицу. И в этот момент через заднюю дверь дома вышел бакалейщик. Мы с Зойкой постарались пригнуться как можно ниже, благо – розовые заросли здесь были необычайно густые. Ну, так, или нет – нас не заметили.

Бакалейщик, маленький мускулистый мужичонка, который при разговоре всегда брызгал слюной, а если повышал голос, вопил тонким препротивнейшим голосом. Когда меня послали в магазин, а он раскланивался и просил передать привет моим родным, я всегда брал пакеты двумя пальцами и думал, что он заплевал все продукты. Бакалейщик весьма резво вывел на задний двор сына. Вывел за ухо. Сержик, тихий, и правда тихий подросток в очках, тербил пуговицу на школьном пиджаке и смотрел не отрываясь на ковром стелющуюся травку с мелкими зелеными цветочками.

– Ну и что? – Вопил он. – Что же мы будем делать? Человеку осталось учиться два года. Я из кожу вон лезу, чтобы обеспечить тебе счастье и вечное процветание. Где благодарность? – Голос перешел на фальцет.

– Девочки на уме?

– Пап, какие девоч...

– Молчать! В дом и заниматься! День и ночь!

Из дома вышла жена бакалейщика. Фрида, кстати, мне нравилась. Спокойная, тихая, любезная. Она точно этому месту не принадлежала. С ней мне даже нравилось общаться.

С мужем рядом стоял совершенно иной человек. Бледная и испуганная, она не знала, что ответить.

– Нарожала уродов! – козел не унимался. – Ничего, скоро он станет красивым и умным, как все.

Маленькое тельце в обрезанных джинсовых шортах и голым торсом удалилось в дом, хлопнув дверью.

Женщина села на лавочку и тихо заплакала, уронив голову на руки.

Зоя потянула меня за рубашку и мы незамеченными вышли в цветущий город. Какое-то время шли молча. И держали за руки пупса. Более несуразную троицу найти было бы невозможно. Но это шла счастливая троица. Которая надеялась удрать с этого треклятого острова, которая мечтала вернуться к жизни с радугами, проливными дождями с грозами. Которая мечтала не расставаться. По улице навстречу нам шли люди. Одни смотрели, некоторые даже оглядывались. Но потом замечали Зойку с несуразными косами и бантами, тихого парнишку, смотревшего под ноги и куклу в центре. Успокоенные любопытные отворачивались. А я все больше и больше понимал, насколько здесь все непросто. Возле городской церквушки висел плакат. Такой же пестрый, как и все в этом чудаковатом месте. Он гласил: «Через месяц нашему чудеснейшему городу 350 лет». Историю пора было заканчивать. Мы с Зойкой это понимали. Как узнать, кто еще это понимает? Нам так необходимы были союзники. Втроем не справиться. Рисковать нельзя тоже. Что же делать?

Мысли роились в голове, словно пчелы в улье. Терпеть больше невозможно. Так что я, все еще глядя под ноги, тихо спросил: «Я думал, Сержик – единственный ребенок семье». «Был, – так же тихо ответила она. – Брат и сестра. Они пропали. Голову на отсечение даю, козел знает куда».

Странно, что обоим нам пришло в голову одно и то же определение. Козел. С некоторых пор я точно знал, все взрослые в городке только играют благопристойных, на самом деле, единственное чудо, что существует здесь – это цветы. Прекрасные, разноцветные, удивительные на вид. Но нас они уже перестали удивлять. Все остальное работало побочным эффектом.

Конечно, и здесь были исключения. Встречались взрослые, которые были вовсе даже ничего. Остальные...

Например, моя бабушка. Она так рьяно взялась за мое воспитание и желание сделать из меня «человека» было абсолютно искренним. А теперь? Моя бабуся при появлении меня в поле видимости начинала вздрагивать и всматриваться, словно пыталась вспомнить, да кто же я такой? «И кто же этот мальчик?», – вспомнил я мамину улыбку, когда она обнимала меня маленького и начинала щекотать. Только это совсем не похоже было на удивление бабушки: «Боже, кто это?» Удивление сменялось догадкой и раздражением: «Ах да, это он...». И бабушка уходила в свою комнату.

Вот с этими мыслями мы и добрались до моего дома. Странная троица – мама, папа и странный резиновый ребенок с перекошенным лицом. Я отпустил ручку пупса, Зоя прижала куклу к себе.

– Это мамина. Знаешь, не раз уже меня выручала.

– Ничего удивительного, мамина же. Зря ты не пошла домой первой. Я бы и сам справился.

– Конечно, а наутро пришел бы в школу с очередным фингалом. Меня больше не обижают, так что.

– На нас смотрят.

– Правильно, я слишком странная, – Зойка громко засмеялась, одной рукой прижала пупса, а другую отвела в сторону. Зажужжала, видимо сейчас она стала пчелой.

Пролетая вокруг меня, шепнула:

– Завтра приходи к моему дому пораньше. В семь утра будет кораблик. Нужно посмотреть, кого прибьет к нашему берегу. Да, и никогда не пей чай.

– Что?

Но она уже помахала рукой и полетела по своим делам.

Я кивнул и пошел по вымощенной дорожке к дому. Уселся на лавочке. Домой не хотелось. Да и не было больше его, моего дома. Кукольные апартаменты, чужие, неприятные, стали пугать меня. Я был не нужен здесь даже больше, чем в доме отца. Как же я ошибался тогда.

6.

Наутро мы встретились в условленном месте. Маленький корабль с облупившейся краской привез только троих пассажиров. Двух женщин и щуплого паренька в очках. Они сошли на берег и направились в сторону нашей местной «мэрии». Держа пупса за руки, теперь наша троица передвигалась только так, мы пошли за новенькими. Мальчика звали Тема. Мы это поняли, когда одна из теток с химией на башке поставила на мостовую клетчатую пузатую сумку и вытянула указательный палец, указующий на неё:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.